

ассимилировать, часть уходила на новые места, где на какой-то срок терялась из вида. Однако и закреплявшееся на новых землях русское население не могло не подвергаться встречной ассимиляции. Очевидцы уже в XIX веке отмечали, что “ныне есть местности, где сами русские объякутились или обмонголились так, что парни 15–17 лет еще не говорят по русски” [7].

Так или иначе, но дойдя до естественных водных рубежей на севере и на востоке, включая побережье Аляски, волна русской экспансии остановилась. По-другому складывалась ситуация в юго-восточном направлении, в земле дауров, живших по течению Амура. Активное проникновение в Даурскую область началось с 1649 года, а десять лет спустя, после успешных экспедиций Хабарова и Степанова, 1659 году весь амурский край поступил в ведение Нерчинского воеводы, то есть был официально включен в состав земель Московского царства. Проблема состояла в том, что ту же территорию считал своей и китайский император.

Россия и Китай: Первым полуофициальным контактом России с Китаем можно считать визит в Пекин томского казака Ивана Петелина, предпринятого им на свой страх и риск в 1619 году. Прожив в Пекине два месяца и получив от китайских властей письмо к русскому царю, он вернулся, однако “китайскую грамоту” никто в Москве прочитать не смог.

В процессе колонизации амурских земель, когда начали случаться стычки не только с туземцами, но и с регулярными китайскими вооруженными отрядами, возникла необходимость на государственном уровне договориться с Китаем о мирном размежевании в Даурской области. В 1654 году из Тобольска в Пекин было отправлено посольство во главе с боярским сыном Федором Байковым. В Пекин посольство прибыло лишь полтора года спустя, в разгар Великого поста. Неподалеку от китайской столицы русского посла встретили приближенные китайского императора и предложили угоститься чаем, заваренным по-маньчжурски, с маслом и молоком, от чего Байков отказался. На следующий день к Байкову приехали китайские чиновники и сказали, что император велел взять у него подарки, присланные русским государем. Байков снова отказался, сославшись на обычай, принятый в сношениях с другими странами, согласно которому подарки передаются только после вручения верительной грамоты

(как впоследствии стало ясно, китайский император рассматривал дипломатические подношения не как подарки, а как дань). Тогда пекинские чиновники потребовали передать грамоту и подарки в управу, на что снова получили отказ посла. Байкову пригрозили, что император велит его казнить, на что русский посол невозмутимо ответил, что смерти не боится, в управу не пойдет и царской грамоты абы кому не отдаст. Поразмыслив, китайский император согласился принять упрямого посла. Однако, согласно придворному церемониалу, послу требовалось, стоя на коленях, отбить десять земных поклонов – что, разумеется, Байков снова решительно отверг. Подобной дерзости “император Вселенной” стерпеть не мог, вернул послу грамоту и подарки и потребовал возвращения назад.

Первый конфликт: Тем временем русская колонизация Приамурья, который китайским император считал своей исконной территорией, активно продолжалась⁴.
Албазин Первоначально китайские власти испробовали что-то напоминающее тактику “выжженной земли”: они насильно заставляли местных жителей уничтожать свои хозяйства и переселяться вглубь Китая, дабы лишить русских переселенцев средств к жизни [8], а власти – ясачного оброка с аборигенного населения. Однако, благодаря организованному русской администрацией переселению на плодородные приамурские земли нескольких сот крестьянских семей, вопрос продовольственного обеспечения юго-восточных форпостов был снят. Тогда против переселенцев начались вооруженные вылазки маньчжурских отрядов, которые являлись своеобразной гвардейской элитой китайских войск. Центром атак стала крепость Албазин, выстроенная казаками на месте бывшего становища даурского князя Албазы (ныне это село Албазово Сковородинского района Амурской области). Первое исторически задокументированное столкновение с китайцами произошло возле Албазина 24 марта 1652 года и закончилось победой русских. Однако в июне 1658 года албазинский отряд из 270 казаков во главе с преемником Хабарова Онуфрием Степановым попал в китайскую засаду и был полностью уничтожен. Албазин был сожжен, хлебные поля вытоптаны лошадьми, жены и

⁴В 1644 году маньчжурское ханство, земли которого простирались к югу от Амура до Великой Китайской стены, свергло правившую в Пекине династию Мин и основало династию Цин, просуществовавшую до 1912 года. В этом кроется причина того, что земли Приамурья и Маньчжурии представляли для китайских властей особую ценность, а вопрос о контроле над ними никогда не сводился к банальной арифметике территориального баланса.

дети казаков вместе с крестьянскими семьями были угнаны в Китай. Тем не менее уже через несколько лет Албазин возрождается людьми вернувшегося на Амур Ерофея Хабарова и Петра Бекетова. Бекетов построил ряд новых острогов на реках Селенге и Хилке, а в 1670 году под русский протекторат решил перейти маньчжурский князь Гантимур, ранее бывший данником маньчжурской династии. Царь Алексей Михайлович предоставил Гантимурову гарантии покровительства и невыдачи маньчжурам⁵; вслед за Гантимуром на русский Амур начали возвращаться бежавшие под китайским давлением даурцы. Китай расценил поступок Гантимура как повод к войне и возобновил нападения на русские поселения на Амуре.

Начало диалога с Пекином: Спафарий, иезуиты и национальное достоинство

С целью разрядки ситуации в Пекин в 1668 году был послан первый русский торговый караван во главе с Сеткулом Аблиным, вслед за которым последовали еще три [11]. Затем в китайскую столицу был отправлен второй русский посол, переводчик Посольского приказа грек Николай Гаврилович Спафарий. Спустя 21 год после миссии Байкова, Спафарий столкнулся с тем же церемониальным угощением маньчжурским чаем с маслом и молоком (благо, он прибыл в Пекин 15 мая 1676 года, после великопостных недель) и предложением передать подарки и верительную грамоту чиновникам. Посол протестовал и в конце концов добился компромиссного решения: он вручает послание царя и подарки большому совету высших чиновников в императорском дворце, в то время как император будет сидеть на троне за занавеской. Таким образом, попутно посол будет избавлен от исполнения низкого поклона. Поразительно, но русский посол был

⁵Маньчжурский хан Гантимур являлся родственником китайского императора и в 1670 году был послан последним для завоевания Аргунского острога. “Дело Гантимура” отравляло русско-китайские отношения на протяжении всей последней четверти XVII века. Убедившись, что русский царь верен своему слову о гарантии невыдачи, в 1685 году Гантимур принимает христианство, крестится Петром и получает дворянство по наиболее престижному в то время московскому списку. К середине XIX века многочисленный род князей Гантимуровых беднеет и теряется в анналах великорусского дворянства [9], однако в годы русско-японской войны вновь напоминает о себе героическими поступками братьев-поручиков Иннокентия и Николая Гантимуровых, отличившихся при обороне Порт-Артура [10].

История с Гантимуром – не единственная, подтверждающая верность верховной русской власти тех времен изначально данному слову (принцип “царское слово – твердо” являлся одним из краеугольных камней московского государственного права). Нетрудно видеть, что в таком подходе заключалась одна из причин преобладания при формировании империи преимущественно центростремительных тенденций.

первым, кто смог добиться у Сына Неба столь существенных уступок в направлении европейских норм дипломатического этикета⁶.

Дальнейшие переговоры Спафария были малорезультативными. Китайцы настаивали на выдаче Гантимура, что русской стороной категорически исключалось. Не удалось договориться ни о свободной торговле, ни о гарантиях безопасности русских поселений на Амуре. Ссылаясь на отказ выдать Гантимура, китайцы отвергли и требования Спафария о репатриации нескольких сот семей русских переселенцев и казаков, захваченных и уведенных вглубь Китая во время маньчжурских набегов. Прибыв во дворец для совершения церемонии прощания с императором, русский посол отказался принять его подарки для московского царя стоя на коленях и, после многочисленных уговоров, согласился сделать это, опустив колено на специально подложенную подушку.

Важную роль в процессе первых русско-китайских переговоров играли находившиеся при дворе китайского императора иезуиты⁷.

⁶В ряде работ ([12]) приводится мнение о том, что Спафарий, наоборот, был вынужден признать вассальную зависимость России от маньчжурской династии. Думается, что подобное утверждение, даже по отношению к находившемуся на русской службе этническому греку, с длинным послужным списком в Европе, все-таки неверно. Патриотизм определяется не происхождением, а отношением к державе, которой служишь. Россия середины XVII века, позиционировавшая себя как мощное, стабильное и богатое государство, не испытывала комплекса неполноценности по отношению к европейцам. Достаточно сказать, что из раздираемой религиозными войнами Европы в нашу страну десятками тысяч иммигрировали протестанты. Переход на “цареву службу” для многих из них был не просто материальным благом, но и элементом карьерного роста и престижа. Поэтому подозревать “хитрых европейцев” в двойной игре по меньшей мере некорректно. У Спафария, равно как и у любого другого иностранца на русской службе – к тому же православного вероисповедания, – в то время не должно было возникать объективных оснований для двойной игры.

Зато в последние 200 лет, на протяжении которых подавленное чувство неполноценности перед Западом стало частью нашего национального менталитета, из-за трансцендентной убежденности в том, что “там жить лучше” и что “оттуда просто так не приезжают”, мы невольно подозреваем всякого иностранца в неких скрытых намерениях. С таких позиций мы вряд ли имеем право рассчитывать на искренность даже со стороны тех из них, кто и в самом деле любит Россию.

⁷Первым из членов ордена иезуитов в Китай смог проникнуть в 1582 году некто Маттео Риччи. Помещенный первоначально в резиденцию для европейцев на острове Макао, он сумел войти в доверие и постепенно добиться присутствия при дворе последних императоров Миньской династии. После воцарения династии Цин положение иезуитов при дворе упрочилось. Они служили учителями и личными советниками императора, который в то же время стремился не слишком распространяться об их присутствии, опасаясь обвинений в связях с “западными варварами” [14]. Иезуиты неплохо освоили китайский язык, вели работу над составлением китайско-латинского словаря и содержали в Пекине католический храм. Однако появляться на публике они должны были только в китайской одежде.

Именно они служили переводчиками на китайский с латинского языка, на котором свободно изъяснялся Спафарий. Прибыв в Пекин с миссионерской целью, иезуиты не могли не пытаться, в меру возможного, способствовать проведению политики Ватикана, однако, прекрасно понимая всю мощь и самодостаточную природу китайской цивилизации, не отваживались выходить за рамки функций советников, учителей и переводчиков при редких посольствах. Силой национальной исторической памяти, мы склонны подозревать иезуитов исключительно в интригах против России – которые, понятно, имели место, хотя и далеко не всегда и не везде. Так и здесь, одной из основных задач, которые ставили перед собой иезуиты в Китае, было налаживание сухопутного пути из Европы в Китай либо через Персию, либо через Московию, поэтому появление в Пекине посла московского Царя не могло не стать для них приятной неожиданностью. Между главой иезуитской миссии в Китае бельгийцем Фердинандом Вербиестом и Спафарием установились по-настоящему дружеские отношения. Именно Вербиест объяснил Спафарию, что вызывающая надменность китайского двора не есть следствие неприязни к России, а обычная для этой страны практика, с которой уже пришлось столкнуться послам из Португалии и Дании. Послам из Голландии с целью добиться торговых преференций пришлось даже объявить о переходе их страны в подданство к китайскому императору! [13]. За три недели до отъезда посольства, Вербиест конфиденциально сообщил Спафарию о намерении китайского императора отвергнуть все предложения русского посла и о том, что император “намерен начать с Царем войну, если тот не выдаст Гантимура; он также планирует захватить пограничные крепости Албазин и Нерчинск... сейчас гарнизоны там небольшие, а Москва далеко, тогда как... <силы маньчжуров. – Авт.> сравнительно близко, но тем не менее они планируют ждать, пока количество их войск на границе возрастет” [14]. Как видим, Вербиест, вопреки намерению китайцев использовать иезуитов при переговорах исключительно с техническими целями, смог сыграть полноценную роль одного из действующих лиц. Посланники Ватикана были впечатлены самим фактом прибытия в Пекин русского посольства и предметом обсуждаемых вопросов: иезуиты не могли оставить без внимания тот факт, что пограничные вопросы с Китаем в весьма жесткой

Расцвет деятельности иезуитов в Китае пришелся на правление императора Канси (1662–1722 гг.). После смерти Канси иезуиты активно боролись за выдвижение на трон конкурента его преемника Юнчжэна; став императором, Юнчжэн распорядился выслать иезуитов из Китая.

манере обсуждали представители страны, еще чуть более шестидесяти лет назад лежавшей в развалинах Смутного времени, где в 1610 году католику, польскому царевичу Владиславу, московское население и войско уже приносили присягу на Девичьем Поле, а венчание его на законное царство представлялось только вопросом времени!

Видимо, вдохновленный перспективой послужить государству, совершившему столь головокружительное расширение своих границ, Вербиест со Спафарием передал послание царю Алексею Михайловичу с просьбой о переходе к нему на службу. Знание им восьми языков, считал Вербиест, в полной мере пригодилось бы русскому царю. Также он попросил Спафария оставить для иезуитской церкви в Пекине икону Михаила Архангела.

Возвращение посольства совпало с воцарением на московском престоле Федора, сводного брата будущего царя Петра I (царь Алексей Михайлович скончался 30 января 1676 года – то есть еще во время пути посольства Спафария в Пекин). Под давлением стоявшего за Федором клана князей Милославских был отстранен и сослан "министр иностранных дел" – боярин Матвеев, репрессиям подверглись и выдвинутые им дипломаты. Спафарию были предъявлены два обвинения: в "чернокнижии" и в передаче православной иконы иезуитам. Первое обвинение отпало, поскольку выяснилось, что оно извращало факт чтения послом имевшихся у него естественно-научных книг на латинском языке. В ответ на второе обвинение Спафарий объяснил, что находящиеся в Пекине плененные казаки и крестьяне за неимением иного христианского храма посещают иезуитскую церковь, наличие в которой православной иконы окажется только к пользе верующих. Обвинения с посла были сняты, хотя денежное вознаграждение за осуществленную им миссию было выплачено лишь по прошествии нескольких лет, в 1683 году.

Печальнее всего то, что практически все самое ценное, что Спафарий привез из Пекина, было отвергнуто или проигнорировано. Бесценная информация, которую на сегодняшнем языке мы именуем "разведывательными данными", – о твердом намерении Китая в ближайшее время начать войну против русских владений на Амуре – была вызывающе проигнорирована как нерчинским воеводой, так и новым московским правительством. Не состоялось ни усиления военных сил на Амуре, ни прекращения провоцировавших Китай

казачьих набегов на сопредельную территорию⁸. Переоценка сил и нарочитая воинственность взяли верх над трезвым расчетом, основанным на реальном балансе сил и стратегических потенциалов. Как часто и в последующем это опасное свойство национального характера, усиливаемое военизированным общественно-политическим устройством, вело Россию к неоправданным жертвам, разрушениям и территориальным потерям!

Возобновление вооруженных действий

Впрочем, говорить об отсутствии каких-либо действий со стороны московских властей в преддверии надвигающегося столкновения с Китаем нельзя. Меры были приняты, но, как это у нас часто случается, проблему они решали лишь на бумаге: в 1682 году было создано Албазинское воеводство. Если не считать новых хлебных должностей, создание воеводства ничего не принесло в деле обороноспособности Приамурья: годом спустя китайцы легко разбили и пленили под Айгуном⁹ малочисленный казачий отряд, а в 1685 году с 5-тысячным войском, вооруженным артиллерией, осадили Албазин, гарнизон которого не превышал 450 казаков с тремя пушками при 4-х (!) зарядах. После нескольких дней бомбардировок и потери более 100 человек в переговоры с осаждавшей стороной вступил гарнизонный священник Максим Леонтьев. Он смог договориться о бескровном оставлении всеми русскими крепости и уходе в Нерчинск. Однако по пути группа из сорока казаков, прельщенная вознаграждением, предложенным китайцами, ставшими свидетелями их высокой боевой подготовки и храбрости, захватив с собой священника, отправилась с китайским отрядом в Пекин. В китайской столице их объединили с казаками, плененными тремя годами ранее под Айгуном, и образовали из них отряд личной охраны императора. Русской общине для устройства православной церкви был передан бывший буддийский храм, первым приходским священником которого стал Максим Леонтьев

⁸Во второй половине XVII века самостоятельные походы казаков были невозможны; однако, если имелось желание совершить сулящий богатую добычу набег, атаман подавал челобитную нерчинскому воеводе с просьбой “отпустить с людьми объясачивать неясчных инородцев”. Как правило, все эти челобитные удовлетворялись и приводили к усилению приграничной напряженности – против чего безуспешно пытался протестовать Спафарий.

⁹Айгун – первая крепость на Амуре, построенная маньчжурами в преддверии готовившейся войны с Россией в 1669 году. О тщательности приготовления китайцев к этой войне говорит и строительство большого речного флота на притоке Амура реке Сунгари, предназначавшегося для осады русских крепостей со стороны воды.

(тридцать лет спустя, в 1715 году, на ее базе в Пекине была открыта Русская духовная миссия, долгие годы выполнявшая функции посольства).

Албазин был покинут 10 июня 1685 года, но уже 20 августа в нем вновь появился воевода Толбузин с вдвое большим гарнизоном, существенно усиленным артиллерией. В начале следующего лета крепость вновь была осаждена китайскими войсками. Но на сей раз осажденные были лучше подготовлены к сопротивлению. Атаки китайцев продолжались с июля по декабрь и так не увенчались успехом. В декабре 1686 года осада была снята. Потери русской стороны составили 676 человек из 826 и, возможно, крепость так и не удалось бы удержать, если обострившаяся обстановка в войне маньчжуров против монгольских племен не потребовала бы экстренной переброски неприятельских сил на новый рубеж.

Миссия Ф. Головина. Опасаясь вести войну на два фронта, пекинское правительство через войсковых командиров и представителей нерчинской администрации начало прощупывать почву для переговоров с Россией. Но и сама Россия, переживающая не лучшие времена междуцарствования, потратившая много сил в войне с Турцией 1677-1681 гг. и пережившая восстание стрельцов 1682 года¹⁰, была готова отступить. В начале 1686 года из Москвы, еще не зная о том, что китайская сторона была вынуждена отступить от Албазина, в Забайкалье выехала посольская делегация во главе с боярином Федором Головиным. Разместившись в Селенгинске, посольство на протяжении длительного времени с помощью курьеров договаривалось с китайцами о месте и протоколе переговоров. Из добытых Спафарием “разведанных” все члены посольства знали, что китайский император принял решение более не идти на отступления от собственного “протокола” и в случае

¹⁰Стрелецкий бунт произошел в Москве 5–17 мая 1682 года в связи с конфликтом боярских кланов при дележе власти после внезапной смерти царя Федора III, старшего сына Алексея Михайловича и сводного брата будущего императора Петра I. В результате 26 мая 1682 года на престол были возведены одновременно болезненный Иоанн (V) и десятилетний Петр, а управительницей 29 мая 1682 года была назначена царевна Софья, родная сестра Иоанна и сводная – Петра.

Государственная власть в полном объеме перейдет к Петру лишь в сентябре 1689 года, когда ему удастся низложить Софью и заточить ее в Новодевичий монастырь. Однако еще на протяжении нескольких лет, при занятом “марсовыми потехами” 17-летнем царе, реальная власть будет отправляться его матерью Натальей Кирилловной совместно с братом Львом Нарышкиным.

прибытия русских послов в Пекин намерен принять их в качестве подносителей дани, со всеми унижительными поклонами и целованиями.

Наконец было решено, что переговоры пройдут в Нерчинске, на русской территории. К 12 августа 1689 г. в Нерчинск прибыла делегация представителей маньчжурской династии в составе семи высокопоставленных императорских чиновников. В качестве советников в состав китайской делегации входили два иезуита, Т.Перейра и Ф.Гербилон. Спустя две недели после открытия переговоров стороны заключили мирный договор, подписав копии на трех языках – русском, маньчжурском и латинском.

Несмотря на то что руководители китайской делегации через иезуитов скорее всего были осведомлены о проблемах, которые русское государство переживало в растянувшийся на 13 лет период безвластия и межклановой борьбы (1676-1689 гг.), внутренние проблемы, с которыми сталкивался китайский император, в не меньшей степени сковывали его в активных действиях. На ход переговоров безусловно повлияла впечатляющая стойкость русских отрядов под Албазином, когда, невзирая на подавляющее превосходство китайцев и шестимесячную осаду, крепость удалось удержать. По-видимому, ключевым моментом, сломавшим решимость китайцев требовать перенесения границы России к северо-западу от Байкала, к верховьям Лены, стала решительная готовность Головина оборонять Нерчинск после того, когда 14 августа город демонстративно окружили прибывшие с китайской делегацией войска.

Не считая этого инцидента, стороны достаточно легко пришли к договоренности: Россия отдает все земли по Большому Амуру, т.е. восточнее слияния Аргуни и Шилки. С севера границей становилась естественная цепь возвышенностей в составе Яблоневого хребта (на северо-западе) и Станового хребта (на севере), доходящая до Охотского моря. Все забайкальские владения, включая Нерчинск, бесспорно сохранялись за Россией, однако лежавшая по Амуру ниже линии демаркации Албазинская крепость должна была быть оставлена и разрушена. Китайская сторона разрешала русским купцам торговать в Северной Монголии и регулярно (раз в 2 года) отправлять в Пекин крупные торговые караваны.

Русские и маньчжуры в XVII веке: схожие темпераменты, различные цели

Можно сказать, что на дальних забайкальских рубежах столкнулись два этноса, находящихся в состоянии активной экспансии: русский и маньчжурский. Русский этнос начиная с середины XVI века находился, если говорить словами Л.Н.Гумилева, в акматической фазе своего развития [15].

Стремительное, неудержимое территориальное расширение не только в восточном направлении, но также на запад и на юг, активное формирование новых форм и структур общественного устройства (явная тенденция к усилению абсолютизма верховной власти, с перерывами на “слабых царей” и Смуту, идущая от Ивана Грозного), поиск новой духовности (раскол), превращение средневекового московского царства в мощное, с жесткой властной вертикалью многонациональное Российское государство – все это вехи небывалого по силе подъема массовой народной энергии, принципиальной смены мироощущения, обретения нового смысла. Во многом то же самое справедливо и для маньчжуров. В 1636 году племена чжурчженей, веками населявших степи к северу от Великой Китайской стены, объединились в государство Цин и стали именовать себя маньчжурами. Тлевшая на протяжении столетий борьба степняков против “южнокитайской” династии Мин вспыхнула с решительной силой, завершившись ее быстрым крушением в 1644 году и воцарением в Пекине Цинской династии. Одновременно с экспансией на юг маньчжуры стремились раздвинуть пределы своего влияния также и в северном направлении. До середины XVII века лежавшие к северу от маньчжуров приамурские земли абсолютно не были известны правившей Китаем Минской династии, о них частично знали маньчжуры, но интереса к ним также не проявляли. Когда к 80-м годам XVII века цинское завоевание Китая было практически завершено, экспансия маньчжуров обратилась в направлении Джунгарского ханства (Западная Монголия) и Приамурья. Приди русские землеискатели на Амур полувеком позже – эта земля уже могла быть покорена только очень большой кровью.

Примечательно, что два энергичных пассионарных этноса, оценив силы друг друга, в конечном итоге благоразумно предпочли размежеваться, нежели истощать свои силы в борьбе, которая могла растянуться на десятилетия. В то же время на первом “маньчжурском рубеже” русский народ продемонстрировал бесспорно большую энергичность и готовность в отстаивании взятых под свой контроль территорий. Несмотря на крайнюю отдаленность от метрополии

(расстояние до Приамурья из центральных районов Маньчжурии не превышает 350 км, от Пекина – 900 километров, в то время как расстояние от Москвы через Якутск, Енисейск и Пермь более 6000 километров) и возможность содержать в Забайкалье не более 4–5 тысяч войск, русским практически всегда удавалось сдерживать натиск в 5–7 раз превосходящих сил противника, располагавшего вооружением, вполне сопоставимым по своему техническому уровню.

Была ли в обладании Амуром особая значимость для России? Бесспорно! Помимо нечасто встречающихся в Сибири плодородных земель, с хозяйственного использования которых можно собирать в казну оброк (у своих) и ясак (у инородцев), Амур был необходим для транзита грузов на побережье Охотского моря, откуда велось освоение Камчатки, Алеутских островов и Аляски. Альтернативный путь – вьючная тропа из Якутска в Охотск протяженностью более 1000 верст – объективно характеризовался крайне низким грузооборотом, в сильнейшей степени сдерживавшим хозяйственное освоение тихоокеанских владений России. Обладание Амуром могло бы значительно расширить число точек торговли с Китаем, которая уже со времен Петра I, концентрируясь единственно в приграничной Кяхте, превратилась в важный источник национального дохода России. Амур – естественное географическое “замыкание” занятых Россией холодных, практически лишенных коммуникаций пространств северо-восточной Азии, возможность иметь на крайнем востоке “кусочек” срединной России с умеренным климатом, возможностью массового расселения вдоль берегов многочисленных рек, развития промыслов, мануфактур, промышленности. Без земель Амура плоды всего полуторавекового восточного землеискательства пребывали в неустойчивом и недостаточно мотивированном с точки зрения экономики и обороны состоянии.

Можно с абсолютной уверенностью утверждать: если бы с начала XIX века Россия располагала бы по меньшей мере правом свободного судоходства по Амуру, то о продаже Аляски, Алеутской гряды и русских владений в Калифорнии в 1870 году в принципе не могло идти речи.

В противоположность России, значимость амурских земель для цинского Китая оказалась минимальной. Получив по Нерчинскому трактату безусловные права на эту территорию, маньчжуры не стали заниматься каким бы то ни было ее хозяйственным освоением. Амурские земли в основном рассматривались ими в качестве буфера, гарантирующего безопасность тыла при их многочисленных военных предприятиях в Монголии, Тибете, Непале, Вьетнаме, Бирме.

Вспыхнувшая столь ярко в первой половине XVII века звезда династии Цин быстро блекла и уже клонилась к закату. Воинственный маньчжурский этнос стремительно растрачивал силы в постоянных войнах, направленных на расширение империи в западном и юго-западном направлениях, тем самым неотвратимо ослабляя свои возможности по удержанию приамурских земель.

Уже в двадцатых-тридцатых годах XIX века Россия, в известной степени нейтрализовав для себя основные угрозы на Западе, имела все возможности путем минимальных военных усилий добиться восстановления контроля за обоими берегами Амура до самого Охотского моря. Однако мотивационные стереотипы высшей власти во времена декабристов и Пушкина были другими, нежели во времена Иоанна IV (Грозного) или Алексея Михайловича. Искусственный европоцентризм русской внешней политики заставлял концентрировать все силы на борьбе с Турцией во имя контроля над Кавказом и черноморскими проливами. В Санкт-Петербурге середины XVIII века были вполне удовлетворены 250-тысячным доходом в казну [16], который ежегодно приносила торговля с Китаем через единственный Кяхтинский форпост в Забайкалье (что в разные годы составляло до половины внешнеторговых доходов страны), а поразительные территориальные приобретения России на тихоокеанском побережье Северной Америки рассматривались лишь в качестве приятного географического курьеза.

Осознание безмерной стратегической важности Амура придет слишком поздно, уже к периоду правления Александра II. Только тогда будут предприняты по-настоящему решительные действия, обеспечившие распространение суверенитета российского государства над этими землями.

До 1828 года Российская империя, из всех держав мира, располагала крупнейшей по площади территорией в 18 млн. квадратных километров¹¹. Сегодня площадь территории Российской Федерации составляет чуть более 17 млн. квадратных километров. На этих страницах не хотелось бы в очередной раз сожалеть о том, сколь много мы утратили от когда-то входивших в состав Российской империи и СССР 22.3–22.5 млн. квадратных километров суши. Гораздо важнее понять причины, в силу которых, не успев приобрести, мы зачастую начинали терять приобретенное.

¹¹После 1828 года Россию “обогнала” Британская империя, обладавшая к началу XX века территорией почти в 35 млн. квадратных километров [17].